Начальная история Руси: проблемы и возможные пути решения

Лев Агни

В статье освещаются проблемы: призвания Рюрика, историчности его фигуры и, в связи с этим, ненадежности летописной хронологии; первых столиц Руси; происхождения древнерусской знати и генезиса древнерусской государственности. Предпринята попытка локализации загадочного города Арса из трудов восточных авторов.

Изначально данный очерк представлял собой небольшую заметку, написанную в октябре 2018 г. по следам обсуждений статей на интернет-ресурсе Academia.edu и посвященную в основном вопросам призвания Рюрика, его историчности и достоверности его княжения в Ладоге или Новгороде. Впоследствии заметка была тематически расширена и дополнена историографией. Она призвана акцентировать внимание на проблемных точках привычной для историографии древнерусской истории, построенной, главным образом, на основе «Повести временных лет».

Общий экскурс

Призвание Рюрика в «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) давно волнует исследователей. Нет нужды останавливаться на историографическом обзоре данного историко-фольклорного сюжета[1], тем более что заметка посвящена общим вопросам происхождения Руси и правящего дома Рюриковичей. Однако следует обозначить три проблемных точки зрения на историю первых двух веков нашей страны, которые не помогают исследователю, а скорее мешают: 1) историческую, 2) археологическую, 3) историографическую. Все три объединяет общая проблематика: отсутствие единой базовой методологии для разных научных дисциплин и адекватной оценки источника. К сожалению, до сего дня не было выработано тех методических критериев, по которым следовало бы определять достоверность излагаемых историческим источником сведений[2]. Критика источника во многом продолжает оставаться в поле *субъективного*, несмотря на то, что в последние десятилетия наметились серьезные подвижки в деле понимания летописей: зачем они писались и для чего переписывались[3]. Прежде всего, это касается взгляда современного исследователя на труды «начальных историографий», где правдоподобные сюжеты тесным образом переплетаются с мифами и легендами, рождая удивительную картину происхождения народов, государств и стран. Так, специалист по истории Древнего Рима, вынужден черпать многие сведения по царскому и раннереспубликанскому периодам из фундаментального труда Тита Ливия, в котором изложен взгляд историка на события многовековой давности. Исследователю истории Руси IX – XI вв. в своей работе приходится опираться не на документальные источники IX – XI вв., а на труды образованных людей XI и нач. XII вв. Следовательно, возникает проблема не столько интерпретации документально-актового материала, сколько проблема интерпретации взгляда первых русских историков относительно происхождения Руси и её истории первых двух столетий (по летописной хронологии)[4]. Исследователю приходится, во многом (увы!) полагаясь на свое субъективное усмотрение, определять достоверность излагаемых событий или отсутствие таковой в том или ином письменном источнике.

Кроме того, нет адекватной методики по работе с данными разных наук, нет синтеза, всё идет по наитию. Так, археолог, имея дело с материальными вещами, склонен подтверждать или опровергать данные летописи, не утруждая себя историко-источниковедческой и текстологической работами. Лингвист работает с письменными источниками, языковой системой, ему трудно оперировать более «приземленными» предметами. Историк реконструирует прошлое на основе исторических источников. Он далеко не всегда имеет возможность оценить работу археологов и лингвистов, механически соединяя данные разных наук, называя всё это «междисциплинарным исследованием».

Мой пессимизм в отношении исследований Древней Руси основан на дискуссиях, развернувшихся вокруг летописной хронологии, на множестве темных мест в нарративных источниках, ставящих современных исследователей в затруднительное положение: слишком фрагментарны письменные свидетельства и слишком далеко отстоит изучаемая эпоха от понятий современного человека.

В таком случае, что остается делать исследователю в кромешной тьме неизвестного прошлого, где маячат огоньками письменные свидетельства *начального летописания*? Остается только верить. Легенда о призвании Рюрика магическим образом воздействует на исследователей Древней Руси, как некогда воздействовала на антиковедов легенда о Ромуле и Реме, основателях Рима. Хотя два типа исследователей – те, кто исходит из историчности призвания Рюрика, и те, кто скептически

относится к факту призвания. Обозначу свою позицию так: вся совокупность исторических фактов, письменных и археологических источников, склоняет меня к тому, чтобы признать сюжет о призвании Рюрика фольклорно-литературной (или просто литературной) традицией. Автор ПВЛ переносит современные ему реалии в прошлое время, на самом деле о призвании Рюрика и приходе руси ему мало что известно. Недаром древнерусский книжник событийную часть «Повести…» начинает с прозвания Руской земли, о чем поведано в «лѣтописаньи Гречьстѣмь». Своими, русскими источниками он не располагает. Напрашивается вопрос, каким образом, событийная часть летописного изложения начала Руси несет в себе детальную точность и историческую достоверность? Даты смерти Олега, Игоря и Святослава странным образом ограничиваются заключенными ими договорами: – в 912 г. Олег заключает договор с греками, в тот же год он умирает; в 945г. Игорь заключает договор с греками, в тот же год он умирает; немного выпадает из этого временного ряда гибель в 972 г. Святослава, заключившего мирный договор с греками в 971 г. Вдобавок ко всему летописцы привязали годы смерти русских князей к датам смерти византийских императоров – в 912 г. умирает византийский император Лев VI, в тот же год погибает и Олег; в 945г. прекращается правление Лакапинов, в этот же год погибает Игорь. Таким образом, ПВЛ отводит по 33 года правления Игорю и Олегу, это хрестоматийный пример символического характера цифр в нарративных источниках.

Первое упоминание руси в 860 г., известное по посланию византийского патриарха Фотия, древнерусский книжник отнес ко временам правления Аскольда и Дира. Хотя не известно, кто именно руководил русами и откуда они направились в набег на Константинополь, некоторые исследователи верят, что набег совершили Аскольд и Дир[5]. Не будь «греческого летописания» не было бы у нас и дат и хотя бы примерных хронологий правления первых русских князей (летописцы в основу своей хронологии полагали именно дату начала царствования Михаила III[6]).

Авторы *начального летописания* привязывали события местного значения к зарубежным хронологиям и зарубежным событиям. Практически все лакуны в событиях второй половины IX – начала X в. заполняются выписками из Хроники Георгия Амартола и «Летописца» Никифора. Тем не менее, легенда о призвании Рюрика, летописные сказания о правлении Олега, Игоря, Аскольда и Дира каким-то гипнотическим образом воздействуют на исследователей так, что они буквальным образом читают летописные известия.

Призвание Рюрика и первая столица Руси

Вопрос призвания и этнического происхождения Рюрика, как можно судить, исходя из вступительных слов ПВЛ, не волновал глубоко древнерусских книжников (здесь следует сделать ремарку: в космогоническом прологе ПВЛ русь – некий отдельный народ из колена варягов, наряду с готами, свеями, урманами и прочими германцами, но в других местах русь сближается со словенами и отделяется от варягов)[7]. Они отвечали на вопросы: откуда пошла Руская земля, как прозвалась, кто первым был князем на Руси.

С названием Руси особых проблем у исследователей не возникает: русь – собирательное название скандинавских переселенцев в Восточной Европе, имеется всего лишь трудность в определение этимологии слова: из какого языка оно произошло и посредством кого перенесено в славянскую языковую среду. Гораздо больше возникает вопросов с Рюриком: кто он и откуда, реально ли существовал, и, если да, то в каком месте княжил.

Легенда о призвании Рюрика возникает в XI в. На данное обстоятельство могут указывать следующие положения:

— Рюрик не упоминается в «Слове» в качестве предка Ярослава. В «Слове о законе и благодати митрополита Илариона» (далее – «Слово») в качестве доблестного предка Ярослава Владимировича (ум. 1054) значится «старый Игорь», т.е. самый древний из известных. Возможно, когда создавалось «Слово» в первой пол. XI в., легенда о Рюрике еще не сложилась или не воспринималась всерьез Иларионом, потому он и не посчитал нужным упоминать данную фигуру[8]. В древнерусском произведении Ярослав оказывался в одном ряду с доблестными предками, но в этом ряду не оказывалось Рюрика, нет даже намека на доблестного Рёрика Фрисландского.

— Нет имени Рюрика среди многочисленных детей Владимира Святославича (ум.1015) и Ярослава Владимировича, хотя встречаются совершенно редкие имена: Вышеслав, Станислав, Позвизд, Судислав,. Впервые княжич с таким именем появляется у сына Ростислава, внука Ярослава Мудрого, примерно, в сер. 1050-х – 1060-х гг. Между тем, Игорь и Святослав – довольно распространенные имена в княжеском именослове, имя первого встречается среди детей Ярослава, имя второго среди детей Владимира (к слову, в греко-русском договоре 944 г. у Игоря встречается тезка – его племянник). Конечно, фиксация имен в нарративных источниках еще ни о чем не говорит, но, в совокупности аргументов против историчности летописного Рюрика, вызывает определенного рода размышления.

— Скандинавские саги не знают правителя Руси древнее Игоря[9], хотя имеется весомая точка зрения, что самым древним правителем в них запечатлен Владимир Святославич[10]. Рюрика, эту легендарную фигуру (как-никак основатель династии, а в случае его тождества с Рёриком Фрисландским, еще и широко известный) они не знают.

— Среди массы исторических сведений о русах и о Руси, ни один из средневековых информаторов не говорит о легендарном основателе династии Рюриковичей (широкая сводка свидетельств о Древней Руси дана в сравнительно недавно изданной пятитомной хрестоматии под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова[11]).

В итоге, у исследователей древней Руси нет ни одного надежного свидетельства в пользу историчности Рюрика. Зато возникает еще больше сомнений в историчности легенды «призвания варягов», если пытаться и дальше искать достоверные события в летописном «призвании».

По летописной легенде, Рюрик пришел вместе с братьями Синеусом и Трувором то ли в Новгород, то ли в Ладогу. Синеус занял Псков, Трувор Белоозеро. Попытаемся рассмотреть перечень этих городов в историко-археологическом свете на предмет соответствия точности летописных сведений. Как можно судить по археологическим данным, Ладога в сер. IX в. представляет собой незначительное поселение, которое в следующем, X в. приобретает военно-стратегическое и торгово-экономическое значение[12], сравниваясь по своей важности с Киевом. Ладога вполне подходит на роль «первой столицы» Руси. Однако у меня имеются замечания следующего плана.

Важный и древний для княжеской династии город не фигурирует в качестве «удельного» (как никак, место первого «княжения»!), имеющиеся исторические источники обходят его вниманием,. По скандинавским легендам (степень их достоверности – отдельный вопрос) Ярослав Мудрый вместе с женитьбой на шведской принцессе Ингегерд в первой четверти XI в. получает право на владение Ладогой (по тем же легендам правителя в городе она посадила по своему усмотрению)[13]. Возникает вопрос, по какой причине Ладога не значится владением Рюриковичей. К сожалению, по письменным источникам историкам практически ничего не известно о статусе Ладоги в системе городов древнерусской политии, неизвестно и то, кто управлял городом и когда он вошел в сферу влияния киевских русов. Тем не менее, согласно скандинавскому фольклору, Ладога принадлежит Рюриковичам, по крайней мере, со времен Владимира Святославича: в 990-е гг. происходит разорение Ладоги в результате набега шведского ярла Эйрика, неизвестно чем обусловленное[14]. За исключением одного летописного упоминания прихода Рюрика в Ладогу, она не значится особым княжеским центром, какой-то родовой столицей. Обычно древние столицы у народов становятся частью легендарного прошлого и сакральным центром, как то Эги (Эга) – у македонян, Уппсала – у шведов, Персеполь – у персов и т.д. Однако Ладога древнейшей и священной столицей для русов не является.

В сагах преимущественно центром Гардарики предстает Хольмгард (Новгород)[15]. Согласно скандинавскому фольклору, норманы хорошо знают Новгород и Ладогу. Тем не менее, именно Новгород в представлении «северных людей» связан с некой столичностью. Впрочем, вопрос столичности Новгорода в глазах норманов может объясняться особым вниманием к городу киевских князей – Владимира Святославича и Ярослава Владимировича, поскольку саги записывались довольно поздно и несли уже в себе временн′ые наслоения. Ладога как будто есть, но ее как будто и нет в историческом сознании и в летописании XI – нач. XII века. Гораздо больше из письменных источников известно о Новгороде. Город, по альтернативной версии легенды о «призвании варягов», фигурирует в качестве места княжения Рюрика. Проблема здесь заключается в том, что, когда пришел Рюрик в Новгород в сер. IX в., самого Новгорода еще не было. Новгород появляется около сер. X в., точнее строится крепостица – Детинец, – через неё и происходит объединение трех близлежащих сел в одно целое[16]. Древнерусские книжники крайне скупо говорят о Новгороде в период княжения первых пяти русских князей, и о нем практически ничего не известно вплоть до 970 г., когда средний сын Святослава Олег Новгороду предпочел Овруч.

Дело обстояло следующим образом. Перед последним походом Святослава в Болгарию в 970 г., как сообщает ПВЛ, «придоша людьє Нооугородьстии. просаще кназа собѣ. аще не поидете к намъ то налѣземъ кназа собѣ»[17] [*пришли люди новгородские, просили князя себе: «если не пойдете к нам, то выберем сами князя себе»*, – здесь и далее дан авторский перевод]. Новгородцы просят себе князя, если его не получат, то сами себе его найдут. Владимир – человек в генеалогическом смысле не самого высокого статуса, бастард («робичич»), но именно он отправляется в далекую «северную Тмутаракань». Древняя родовая столица не представляет особого интереса для династии Рюриковичей, что, опять-таки, странно, ведь для следующих поколений Новгород становится вторым столом после Киева. Неувязка отпадает, если признать, что Новгород не являлся еще родовым городом молодой династии или не был столь важным ввиду того, что слишком далеко находился, его трудно было защищать, и в военно-политическом плане не представлял собой достаточной ценности (по сравнению с Киевом и тем же Овручем). Поэтому непритязательный городок достается байструку, для Владимира – это шанс подняться в социально-политическом плане.

Летопись передает слова с ответом Святослава новгородским послам так: «а бы пошелъ кто к вамъ и ѿпрѣсѧ»[18] [*кто захотел бы к вам пойти*], и отказались Ярополк с Олегом. В данном летописном эпизоде проявляется некое пренебрежение северным городом киевскими князьями. И важная в торгово-экономическом плане Ладога снова не представляет для киевского князя (и для летописи) интереса. По факту, роль Новгорода резко возрастает при Владимире и Ярославе – они совершают из него походы на юг в момент междоусобиц, обустраивают его, после чего город с завидной частотой фигурирует в ПВЛ. Именно у Владимира, старшего сына Ярослава и новгородского князя, внук станет носить имя Рюрик. Думается, сюжет о Рюрике следует связать со временем брака Ярослава на шведской принцессе Ингегерд, с владением Новгородом их старшим сыном Владимиром; поэтому, глубже проводить в прошлое возникновение легенды о призвании Рюрика в Новгород/Ладогу, вряд ли возможно.

В итоге получается, что роль и статус Новгорода в системе удельных владений на Руси складывается не ранее IX – X вв., а *история и историческая особенность Новгорода модернизирована древнерусскими летописцами*.

О роли Новгорода и Киева

Другой интересный момент. Начальным сводом «перемещение» княжеской династии с севера на юг ничем не объясняется. Само повествование о приходе руси в Новгород/Ладогу и внезапном захвате Олега выморочного Киева выглядят искусственным соединением разных сюжетов и разных идеологических мотивов. Если на севере Рюрика призывают, и в результате этого призыва появляются договорные отношения между князем и «подручным» населением, то Киев Олегом захватывается, никаких договорных отношений не возникает, зато главным лейтмотивом вставленного в текст ПВЛ эпизода становится княжеское звание Игоря и его законные притязания на Киев (по какому праву Олег с Игорем претендуют на Киев, если русов призывали далеко на севере?). Создается впечатление, что древнерусские книжники в силу своих возможностей стараются задним числом создать нужную историю Руси.

Противоречие с путаницей призвания Рюрика в Ладогу или Новгород по летописным версиям можно снять за счет предположительного отображения древнерусскими книжниками в своих текстах фольклора, сохраненного в среде скандинавских переселенцев, определенное время проведших на севере, а затем переместившихся на юг Руси. Летописцам оставалось изложить предания и сказания в письменной форме, не особо заботясь о стройности сюжетного изложения в деталях: первые переселенцы из Скандинавии появились в Ладоге, затем возник и расцвел Новгород, затмив Ладогу, поэтому Новгороду отдавали предпочтение. Таким образом, мы имеем дело с отголосками неких исторических событий, но никак не с точными и достоверными сведениями. Например, идея призвания для защиты местного населения от прочих «искателей приключений» далеко не нова в истории[19], учитывая сильную княжескую власть в средневековом Новгороде, с попытками её ослабления[20]. В то же время новгородский князь сидит на столе не в самом городе, а в своей резиденции, что, наверное, говорит об определенного рода политической дистанции между князем и горожанами[21].

Перейдем к другим «столицам» Руси, в которых сели княжить братья Рюрика – Изборску и Белоозеру. Археологические данные говорят о том, что ни первый, ни второй город не подходит на роль столицы пришлого варяжского населения – слишком мала прослойка скандинавского населения в IX в. (в первом случае), отсутствие городища в период «призвания» (во втором случае). – Известный археолог В. В. Седов отмечает отличие Изборска от Ладоги, Новгородского (Рюрикова) и Псковского городищ в том, что здесь отсутствуют маркеры, указывающие на проживание или торговую активность скандинавских купцов или дружинников[22]. А Белоозеро, согласно археологическим датировкам, появляется не ранее X в.[23]

В итоге, у современного исследователя имеется ненадежная летописная хронология, а также археологические данные, не подтверждающие для IX в. следов пребывания скандинавов на поселениях Изборска, Новгорода и Белоозера. Последние указанные города появляются значительно позже «призвания варягов»[24]. Новгороду в этом плане повезло больше: рядом археологи обнаружили поселение, получившее название «Рюриково городище». Остальным повезло не очень. Данное обстоятельство еще раз говорит о некоторой произвольности археологов в выборе отождествления того или иного археологического памятника с письменно зафиксированным городом (и топонимом). Например, помимо Гнёздовского городища, в Днепро-Двинском междуречье обнаруживаются археологические комплексы Новосёлки, Рокот и Шишкино[25]. Если «Гнёздово» в XI в. перестает существовать, то Новосёлки как будто продолжает[26]. Какое из этих городищ является летописным Смоленском и Милиниски в труде Константина Багрянородного – пока трудно сказать.

Кроме Ладоги, все прочие города в момент призвания варягов либо не существуют, либо существует один, но в нем не имеется достаточной скандинавской прослойки населения. Соответственно, под большим вопросом находится и историчность летописного «призвания варягов», историчность упомянутых в нем князей.

Определенно можно сказать одно: киевские русы пришли на юг будущей Руси с севера, но каким образом появилась и утвердилась новая династия в среднем поднепровье, наверное, так и останется для исследователей неразрешимой загадкой. Летописного Рюрика следует отделять от возможно существовавшей некогда исторической фигуры с таким именем. В Новгород Рюрик никак не мог быть призванным, поскольку самого города еще не было. Собственно, Ладога долгое время не значится в качестве места сидения князя в роду Рюриковичей (напротив, Полоцк уже при Владимире Святославиче получает статус места княжения и отдается сыну Изяславу). Приход новгородских послов к Святославу гипотетически можно связать с тем, что до гибели отца или при правлении матери Святослав был приглашен в малопримечательный будущий Новгород. Однако пренебрежение городом и нежелание отправлять на управление в него законных сыновей Святославом остается необъясненным[27].

Добавлю. Заманчиво объяснять пожар в Ладоге ок. 950 г. результатом поездки Ольги к «Новугороду» в 946 г. (по летописной хронологии). При этом следы пожара на Рюриковом городище отсутствуют. Около этого времени строится и Детинец в Новгороде, после чего в 970 г. новгородские послы зовут к себе детей Святослава Игоревича на княжение. Все эти совпадения

носят случайный характер или это звенья одной цепочки исторических событий, возникших в результате деятельности киевских русов? И не восходят ли уникальные «договорные отношения» между новгородцами и Рюриковичами к периоду сер. 940-х – нач. 970-х гг.?

Продолжу. В ПВЛ приходится специально отмечать, что матерь городов русских («матерь городов» – дословный перевод с греческого «метрополия») – Киев, некая констатация исторического факта задним числом[28]. В данном случае, видимо, следует понимать первичность Киева по отношению к другим русским городам: старейший город достается старейшему Рюриковичу[29], и именно из Киева происходит раздача городов сыновьям или родственникам великим князем (во времена фиксации ПВЛ система «отчин» и «уделов» еще только формировалась). Помимо этого, указывая на ирининскую церковь перед провозглашением материнства Киева под 882 г., под 1037 г. летописец замечает: заложил Ярослав город великий, церковь Святой Софии, митрополью, затем монастырь святого Георгия и Святой Ирины, после чего: «нача вѣра хр҃ьѣньска плодитиса. и раширати. и черноризьци почаша множитиса. и манастъреве починаху бъти»[30]. По мысли древнерусского книжника, Киев становится центром распространения книжной богословской культуры. Как Владимир Святославич «крещеньем просветил сердца», так Ярослав «насытил сердца книжными словами»[31]. Летописец усиливает мысль о материнстве Киева для городов еще и через распространение из него книжности и богословия. Киев оказывается еще и религиозным центром.

Если Ладога, благодаря археологическим изысканиям, может считаться самым древним «русским» центром, допустим, первым местом «княжения» (протокняжения)[32], то нет никаких убедительных данных того, что династия военных предводителей Ладоги продолжила свою династию в Киеве. Тем самым, нет логических оснований считать Ладогу (или Новгород) первой столицей, поскольку в понятие столицы мы вкладываем его более поздний смысл, подразумевая под ней центр государства или некий общий центр всей страны. Скорее всего в данном случае имеется проблема понятий.

Киев для многих русов важный во многих отношениях город, самый многолюдный и богатый. Именно из Киева русы выходят в так называемое «полюдье». В нем сидит самый старый и самый старейший князь. Первое зафиксированное летописью распределение престолов фиксируется в 970 г., по которому Ярополк получал Киев, Олег — Овруч, Владимир — Новгород. В последующем Владимир раздает города своим сыновьям. Полоцкая земля по не вполне понятным причинам достается сыну от брака с Рогнедой Изяславу, в то время как другой их сын Ярослав (в будущем, «Мудрый») унаследовал сперва Новгород, а затем и Киев. Самое интересное, что дети Изяслава, умершего еще при жизни отца, сохранили за собой право на владение Полоцком и полоцкой землей. Даже несмотря на возможное желание Владимира передать киевский стол любимым сыновьям, в обход старших детей, уже на примере Полоцка создавался **прецедент** владения стольным городом полоцкой земли потомками одного из Рюриковича, который в свою очередь становился основателем нового дома, а его владения для потомков превращались в отчину и дедину. Неминуемо следовало обособление русских территорий в политической плоскости.

Поскольку в Киеве находилась номинально верховная власть, и практически до возвышения владимирских князей из Ростовской земли, с киевским князем приходилось считаться, если не всем, то многим владетельным Рюриковичам, на этом основании Киев вполне следует считать первой столицей Руси, первой русской достоверно известной столицей. Конечно, не в собственно государственном смысле, поскольку государство Руси в домонгольский период представляло собой рыхлое военно-политическое объединение, которое постепенно связывало культурно-языковое единство, а как некий культурный, религиозный, экономический и политически важный центр.

Русь в представлениях восточных географов

Другой вопрос, который хотелось бы затронуть, касается упоминания у восточных авторов трех стран и трёх одноименных городов – Славии, Артании/Арсании и Куйябы[33]. Сломано немало копий в деле локализации упомянутых топонимов и географических регионов. Я попробую локализовать и определить только одну из них – Арсанию.

Первые упоминания об Арсании относятся к первой пол. X в., находятся они в «Книге видов земли» Абу Зайд аль-Балхи[34] и в «Книге путей и стран» Ал-Истахри[35]. В этих двух книгах, написанных, видимо, не раньше 920-х гг, сообщается о трех группах русов, одна из которых живет в городе Арта/Арса[36]. Вывозят русы-артанцы из своей страны мечи, олово и черных соболей. Ибн Хаукаль во втор. пол. X в. к приведенному перечню товаров добавляет бурых лисиц и немного ртути[37].

В кратких фрагментах восточных географов обращает на себя внимание северное происхождение русов из Арсании и то, что они спускаются по воде для торговли в Булгар. На роль крупного военно-торгового центра с наличием вождя для первой половины X в. вполне может претендовать Ладога, учитывая её обособленность от всех прочих русских владений, входивших в сферу влияния киевских русов. Остальные археологические памятники для первой пол. X в. – Сарское городище[38], Ростов[39], Белоозеро[40], – менее подходят. Впрочем, следует отметить некоторое созвучие реки Сара и города Арса.

А. Е. Леонтьев отмечает вхождение поселения Выжегша (Суздальское ополье) в зону циркумбалтийской торговли: найденные в городище оловянисто-свинцовые слитки попали в него с Севера, со стороны Верхнего Поволжья[41]. Данное обстоятельство

может свидетельствовать в пользу контактов местного населения с Балтикой, а не с Уралом, следовательно, упоминаемые восточными авторами товары привозятся из циркумбалтийского региона. Вдобавок, по замечанию ибн Русте и Гардизи, булгарские купцы ездят в страну вису за соболями и черными лисицами[42]. Правда, с переводом слова «ас-саммур» (соболь) имеются разногласия[43]. Однако, если под народом вису понимать летописное «племя» весь, с примерно совпадающим ареалом обитания по письменным и археологическим источникам[44], то Арсу следует искать вблизи озер Нево, Онего и Белое.

Сопоставив археологические данные с замечаниями восточных авторов, вполне определенно можно придти к выводу о существовании скандинаво-поволжской торговой зоны, которая охватывала Ладогу и пролегала по русскому Северу вплоть до пределов Волжской Болгарии. Стоит задаться вопросом, не держали ли русы с Ладоги весь северо-волжский путь под своим контролем, в то время как киевские русы держали путь из «варяг в греки»? Тогда и объясняется нахождение Севера Руси в тени летописных известий, а также отсутствие городов и «племен» северо-волжского пути в трудах греческого императора Константина Багрянородного: киевские и ладожские русы конкурировали между собой (?). Наличие трёх групп русов в трудах восточных географов со всей очевидностью говорит о существенном различии между ними, как в географическом плане, так и в политическом. Но всех русов объединяет их скандинавское происхождение.

Княжеская династия и древнерусская знать

Следом за проблемой «собирания» русских земель с двумя центрами: Киев – на юге, Новгород – на севере (таковыми они стали на протяжении X – XI в.), возникает проблема появления княжеской династии и появления слоя древнерусской знати. Так, во время посещения Ольгой византийской столицы в сер. X в., у Константина Багрянородного в записях фигурируют: сама Ольга – архонтисса, и другие архонты, близкие родственники Ольги[45] (между тем, надо заметить, посольство Ольги не следует сопоставлять с договором 944 г.[46], где упомянуты знатные русы[47]). Получается, наряду с Рюриковичами, существуют другие князья-архонты и существует множество родственников, как Ольги, так и Игоря. На это указывает и перечень лиц, упомянутых в греко-русском договоре 911 г., где Олег выступает первым среди равных, но от имени всей Руси (именно в договоре, а не во властно-политическом аспекте, о чем мы практически ничего или крайне мало знаем). На это указывает и договор 944 г., где уже более иерархично прослеживается договаривающаяся сторона русов (сперва Игорь и его семья, затем остальные, ближе к концу текста упомянут купец / или упомянуты купцы), причем бояре и князья упоминаются в равнозначном положении: «и вєликыи нашь кнѧзь Игорь. и боѣре єго», «и ѿ всеѣ кнѧжьѣ. и ѿ всѣх людии Руѣкоє» (Ипатьевская Летопись).

Обращает на себя внимание странность положения Свенельда, как и сами упоминания о нем в ПВЛ на протяжении продолжительного периода времени. Свенельд имеет свою дружину, но в договоре 944 г. не упоминается. Возникает вопрос, относится Свенельд к киевским русам или нет? Пришел ли он со своими отроками в качестве ярла/конунга на Русь искать счастья, то примыкая к одним, то к другим ватагам… или питал надежду на захват города, как, например, это сделал до него летописный Олег, а в будущем сделает некий Рогволод? А может быть Свенельд – вымышленная фигура? Трудно сказать.

Византийские хронисты по поводу войны со Святославом упоминают разные группировки русов, которые не подчиняются Святославу и действуют самостоятельно (по всей видимости Сфенкел византийских хронистов и Свенельд русских летописей – разные лица)[48]. Лев Диакон сообщает о братьях Святослава, которые сами, по идее, должны являться князьями и военачальниками. Следовательно, у Святослава имелся большой круг родственников и других, очевидно, самостоятельных или зависимых от него князей-архонтов. Тут стоит вспомнить и разделение сил Святослава и Свенельда (Свенельд по всей видимости, увел с собой свою дружину), после неудачной войны в Болгарии в 971 г. Увы, но об этих семейных, военно-политических взаимоотношениях мы абсолютно ничего не знаем.

Как следует полагать, исходя из комплекса исторических источников, русское летописание довольно сильно упрощает и модернизирует время первых и легендарных правителей Руси. Наше летописание полностью сосредотачивается на Игоре и его потомках, обозначая в качестве первопредка Рюрика, соединяя историю Севера и Юга через приход Олега в Киев. Не должна ли общая династия придать легитимности владения Русью княжескому дому?

Исходя из данных ПВЛ, первые русские князья не обладают родовым правом на славянские земли. Им приходится военным путем устанавливать свое право на сбор дани (в дальнейшем тексты летописей употребляют слово «дань» применительно к неславянскому населению). И здесь следует развести по разные стороны проблему сбора дани со славянских общин и проблему «посажения мужей» в городах. Нет полной ясности, но, судя по отправке дани Ярославом Владимировичем из Новгорода отцу в Киев, князь сперва обладал семейно-родовым правом на город, центр (к примеру, новгородской) земли или определенной округи (как то Белоозеро, Ростов, Суздаль и т.д.), на сбор дани, и только с какого-то времени получает распространение идея владения всей конкретной землей (появляются понятия «осмердить»[49], «отчина»[50], княжеское имущество в «Руской правде», семейно-родовое владение территориями в летописных рассказах).

Поскольку русы – иностороннее обозначение скандинавов, то и летописью они называются собирательным именем «русь». Ко

времени написания ПВЛ между различными скандинавскими элементами, долго проживающими в славянских землях, видимо, стерлись различия. Так, например, в «Русской Правде» фигурирует русин (скандинав, долгое время проживающий в славянских землях)[51], варяг, колбяг и словенин. А в тексте самой ПВЛ говорится: «сѣде ѠЛегъ кнѧжа въ Києвѣ и реч ѠЛегъ се буди мѣи градомъ рускими . [и] бѣша оу него Варѧзи и Словѣни и прочи прозвашаса Русью»[52] [*сидел Олег, княжа, в Киеве, и сказал он: пусть будет это мать городам русским; (и) были у него варяги, словене и прочие, которые прозвались русью*].

ПВЛ специально обращает внимание: как свеи, урманы, агняне, готы относятся к варягам, так и русь относится варяжскому роду, нет для руси особого языка, таковым является «словенский» язык (еще один аргумент в пользу собирательного обозначения руси как квазиэтноса). Название руси перешло к славянам, причем, летописью целенаправленно проходит разделение – варяги, долго живущие среди славян, названы русью («бѣша оу него Варѧзи и Словѣни и прочи прозвашаса Русью»), а те, что приходят временно или (по всей видимости) ведут какой-то обособленный образ жизни, так и зовутся варягами.

По какой причине именно Киев прозван «метрополией», летописью не уточняется. Зато явным образом бросается в глаза искусственное соединение северного сюжета о призвании Рюрика в Новгород с южным сюжетом о вероломном захвате Олегом Киева, где княжили Аскольд и Дир, не имея для того княжеского звания[53]. В летописных текстах подлинно княжеского рода оказывался Игорь. Так, по легенде Рюрик «пояша по собе всю Русь»[54]. Из всей руси лишь у Рюрика, не считая его братьев, имелось княжеское звание. О множестве других русах-скандинавов в среде восточного славянства летописи не знают или не желают упоминать. В Лаврентьевской летописи идет ответ на вопрос: «кто въ києвѣ нача первѣє кнѧжит»[55], а в Ипатьевской летописи идет ответ на несколько иной вопрос: «хто в неи [в Руской земле, – прим. авт.] почалъ пѣрвѣє кнѧжитї»[56]. В первом случае говорится о конкретном городе, во втором о земле, подразумевая под ней Киев с прилегающей округой.

Аскольду и Диру вменяется в вину княжение в Киеве не будучи княжеского рода: «и реч҃ ѠЛгъ къ Асколодови . и Дирови . в(ы) неста кнѧза ни роду к(нѧ́)жа . но азъ єсмь роду к(нѧ́)жа . и вынесоша Игоря. сь сн҃ъ Рюриковъ»[57] [*Обратился Олег к Аскольду и Диру: вы не рода княжьего, но я рода княжьего, и вынес Игоря, сына Рюрика*]. Следует пояснить, в данном месте со словами «я из рода княжьего» Олег обращается от имени Игоря, Игорь – единственный правомерный «руский» князь (опуская вопрос княжения легендарного Кия и его потомков).

Русские летописи не проясняют причину прихода Олега в Киев, не объясняют данническую зависимость Новгорода от Олега. Нет ясности в том, каким образом Олегу платили дань от «Новагорода»[58], когда самого города еще не было.

Как бы то ни было, согласно записям Константина Багрянородного, у русов наличествует «союз» князей-архонтов («их архонты»): в *полюдье* из Киева отправляются все росы[59]. Принимая во внимание сообщение Гардизи о 100 – 200 русах, идущих к славянам[60], то упомянутые силы, похоже, принадлежат не только одному князю, а нескольким князьям[61]. Если Ольга, действительно, происходила из Пскова, то возникает вопрос, приезжали в Киев псковские русы для похода в *полюдье* или нет? Если нет, в таком случае, отчего скандинавы из русских городов оставались в стороне? Или, быть может, все русы сосредотачивались в Киеве и возле него? Вспоминается и разделенность дружин Игоря и Свенельда, Святослава и Свенельда. Возникает мысль, что киевские русы выступают в союзе с другими русами или, наоборот, ведут агрессивную политику по захвату городов и территорий на землях будущей Руси.

Получается, слова Константина Багрянородного о выходе всех русов в *полюдье* следует считать либо общими по своему содержанию, либо не совсем удачными. Русь, если игнорировать летописные известия, в момент «собирания» предстает в глазах исследователя по археологическим и письменным свидетельствам полицентрическим объединением. Так, например, археологический комплекс «Гнёздово» представляет собой военно-политический и торгово-ремесленный центр, судя по военному снаряжению, скандинаво-славянского населения, аналогичный Ладоге, вероятно, подчиненный Киеву насильственным образом[62]… Трудно назвать складывающееся военно-политическое образование государством. Скорее Русь в X в. более походит (или начинает походить) на вождество[63].

Подытоживая сказанное, остается ответить еще на один вопрос: что стало с упоминаемыми в письменных источниках родственниками Игоря и Ольги, с потомством князей-архонтов? Всё говорит о том, что родственники князей и их потомки образовали древнерусскую знать, и вероятно, киевское боярство. Для того и требовалось книжникам окончательно зафиксировать создаваемую идеологическую систему воззрения на историю Руси о подлинно княжеском роде Рюриковичей, дабы ни у кого не возникало лишних вопросов, и не имелось возможности претендовать на их семейно-родовое имущество – русские земли[64]. Возможно, в данном месте следует говорить не столько об идеологии, сколько о складывающемся концепте воззрений древнерусских книжников и правящей элиты на историю Руси на рубеже XI – XII вв.

Хронология и достоверность сведений, излагаемых в начальном летописании.

Древнерусская летопись не знает развернутых описаний княжений Рюрика, Ольги, Святослава. А те, что имеются в летописи, преимущественно почерпнуты из зарубежных источников (договоры с греками Олега, Игоря и Святослава[65], поездка Ольги в Константинополь). Походы русов на Каспий летописи тоже не известны. Поэтому походы и годы походов Олега в разные земли славян вызывают недоверие: притом, что древнерусские книжники не знали дат кончины первых русских правителей, откуда у них погодовая хроника походов Олега и, например, Святослава? Почему исследователи непременно хотят видеть точную и достоверную информацию в текстах ПВЛ и Новгородской первой летописи? Допустим, археологические раскопки подтвердят существование Гнёздово во второй половине IX в., причем, найдутся следы пожара. Конечно, сразу встанет вопрос, был ли пожар устроен в ходе боевых действий местного населения с агрессорами или возник по иным причинам? Даже если пожар возник в ходе военных действий, то археологические данные никоим образом не могут сказать, кто организовал пожар, будь то некий летописный Олег или какой иной главарь банды скандинавских разбойников.

Сомнительность дат правления первых князей Руси – общее место, на котором нет смысла останавливаться[66]. Не располагая детальными сведениями формирования Руси с центром в Киеве, единственно возможной точкой отчета исторической Руси мы можем обозначить 940-е гг., время правления Игоря. Вся остальная летописная хронология древнерусской истории повисает в воздухе (случись поездка Ольги в Константинополь в 957 г.[67], гибель Игоря можно отодвигать и к началу 950-х гг.): Игорь известен из византийских сообщений, его историчность подтверждается перекрестными известиями из различных источников. Именно с него начинается политическое лидерство будущей подлинно княжеской династии, на его потомстве древнерусские книжники и сосредотачивают свое внимание.

Древнерусская государственность – миф или реальность?

Проблема генезиса древнерусской государственности и древнерусского государства – довольно сложная тема, и я её сознательно избегаю, затронув однажды в тексте вскользь. Для того чтобы говорить о древнерусском государстве, следует определиться с тем, что такое *государство*, какие существуют *признаки государства*, как они выявляются в истории Руси. На сегодняшний день нет целостной концепции (или концепций) возникновения и формирования древнерусского государства[68]. Как можно судить, на сегодняшний день имеются наработки в области «дружинного государства»[69] и имеются четыре монографии по генезису древнерусского государства[70]. Я думаю, здесь очень важно разделить два понятия: *государство* и *государственность*. Соотношение этих понятий –отдельная научная проблема. Как мне представляется, государство – форма проявления государственности в виде различных институтов власти и её атрибутики, государственность –более фундаментальный уровень социально-политического развития того или иного общества или обществ. Государства могут исчезать или трансформироваться через властные институты (например, СССР и его прежние государства-республики) в новые. Государственность – более устойчивое явление, и зиждется, в принципе, на тех основах, которые обозначены В. Г. Чайлдом как «десять археологических признаков» цивилизации[71].

Пришлые в Восточную Европу норманы, их потомки, как и балто-славяно-финские группы, находились еще на уровне родовых обществ с, видимо, наметившимся социально-имущественным расслоением. Например, важные для зарождения русской государственности понятия такие как «полюдье», «стол» и «стольный град» – славянского происхождения. Добавлю, в русском языке закрепляется слово «князь», а не «конунг» или «ярл», в то время как, например, слово «кметь» или «гридень» не имеют аналога в славянском языке. А это означает, что либо у славян уже имелся какой-то словесно-понятийный аналог тем социально-культурным элементам, которые несли с собой обитатели скандинавского региона, либо его не было. Возможно, «полюдье», в силу более высокой военной культуры скандинавов, а, значит и более агрессивной формы подчинения славян (как и балто-финских общностей) и отчуждения у местного населения различных благ, приобрело несколько иную форму, иной характер, нежели она имелась у славян. Но, поскольку большие политические образования зачастую формируются военной силой и власть в них удерживается с помощью силы, то скандинавы не столько принесли с собою государство, сколько аккумулировали многие идущие или еще не начатые процессы в среде восточного славянства (например, перенесена от греков письменность, проведена во многом насильственным путем христианизация страны). Военной верхушке, да еще инородного характера (несмотря на славяно-скандинавский симбиоз и славянскую ассимиляцию скандинавов), легче образовать слой управляющих и подчиняющих себе групп людей, наконец, постепенно создать аппарат управления в его зачаточном состоянии. Отсюда может возникать иллюзия раннего появления классов и государства у восточных славян, в то время как эта «классовость» больше зиждилась на этно-социальном, нежели на социально-имущественном разделении в марксистском понимании. Поскольку пришлое скандинавское население активным образом перенимало славянский язык, особо не относясь к более развитой в политическом отношении плане культуре и социумам, то и между пришлыми и местным населением не имелось большой социально-культурной пропасти, как это, наверное, имело место быть в истории колониальных стран: пришлые вояки и их потомство образовали лишь высшую военно-политическую прослойку. Грань между русами и славянами постепенно нивелировалась. Этно-социальный класс превращался в социально-экономический класс одной, пускай и не единой еще страны.

С моей точки зрения в подходе к изучению государствостроительства Руси (и на Руси) следует сочетать археологический подход с антропологическим. Археология в большей степени покажет материальную составляющую того образа Руси, который создавали древнерусские книжники конца XI – начала XII в. для периода сер. IX – нач. XII вв. В свою очередь

письменные источники, несмотря на свою фрагментарность и информативную скудность, в какой-то мере позволят соотнести добытую информацию с антропологическими материалами, соотнести антропологическое знание с археологическим. В итоге можно будет выработать общую концепцию (или несколько концепций) о зарождении и формировании государства и государственности на Руси.

На мой взгляд, в тот момент как Владимир Святославич, подлинный первый строитель русского государства, отдал Полоцк своему сыну Изяславу, а его потомки посчитали город своим семейным владением, появилась первая тенденция к политическому размежеванию территорий на основе семейно-родственных связей и праве старейшинства. Понятия, вынесенные из родовых отношений в какой-то мере заменяли государство-административные и властно-иерархические. Государство начинало строиться не в вертикальном отношении (первый по старшинству становился самым главным князем, он на свое усмотрение раздавал бы города и должности, вмешивался в дела низшего, волостного уровня), а в горизонтальном. И постепенно, со смертью Владимира Святославича, формирование государства и государственности, дотоле шедшие одним потоком, начинают расходиться. Поскольку у русского государства и русской государственности имеется общее начало, они, по крайней мере, на первое время, имеют ряд общих необходимых признаков – общий законный род Рюриковичей и княжеское звание, военно-политическая элита, княжеский двор, воинские звания и различные должности при князе. Со временем в разных концах Руси появляются свои особенности и возникают свои прецеденты: особый статус новгородского архиепископа, приглашение псковичан и новгородцев литовца Довмонта на княжение, утверждение рода Гедиминовичей в западных областях Руси и т.д.

Что касается домонгольского периода истории Руси, в исторических трудах часто можно встретить мысли о распаде государства и его кризисе, даже говорится об упадке на Руси. Но распадаться на Руси в XII в. было в общем-то еще нечему. Русь – коллективное владение рода Рюриковичей, государства Руси в современном смысле слова (с централизованным аппаратом управления) еще не было. Князья владели своими «отчинами» и перемещались по волостям по факту своего рождения. Русь – это общее семейно-родовое наследие Рюриковичей. Распасться она никак не могла, «революционных» манифестов на тему выделения особой какой-то династической линии никто не провозглашал. Пока существовал хотя бы один Рюрикович, сохранялись его права на владение русскими территориями. Здесь корректнее говорить о *политической раздробленности* на Руси, начиная с XI в. В XII веке этот процесс политической нестабильности получил свой перманентный характер. Думается, политическая нестабильность слабо отражалась на большинстве жителей Руси. Наоборот, княжеские отпрыски, получая новые «отчины» стремились обустроить свои новые владения, ибо с возрастанием численности владетельных Рюриковичей шансов заполучить более престижные и богатые города становилось всё меньше и меньше, им оставалось заботиться о своих владениях, понимая, что скорее всего города и веси перейдут по наследству к их детям.

Что касается второй мысли, то археология, как и письменные источники, показывают экономический и культурный расцвет русских городов перед монгольским нашествием.

Вместо итогов

Обозначу два важных блока:

I. Требуется последовательность и определенность в а) использовании понятийно-терминологического словаря, б) разделении летописной и исторической хронологии, в) летописных и исторических данных, будь то упоминание князей и воевод, различного рода событий, иных сведений.

II. Необходимо помнить 1) о разделении вопросов а) происхождения летописного Рюрика и реального происхождения княжеской династии, севшей править в Киеве б) этимологии слова Русь и происхождении тех русов, что пришли в Восточную Европу (как мне думается, это многосоставной вопрос и требует ответа с «многонациональностью»), в) генезисе государства и государственности Древней Руси; 2) о не смешивании данных из нарративных источников (как особого их вида) с данными других письменных свидетельств (в совокупности и учитывая их специфику); 3) о разных полях исследований филолого-лингвистических наук, археологии и истории.

И напоследок, о Рюрике: на мой взгляд, это слишком незначительная фигура, чтобы обращать на неё слишком большое внимание[72]. Вся роль Рюрика в древнерусских нарративах сводится к началу положенной им династии. Уже в советской исторической литературе звучала мысль о разделении проблемы происхождения государства и происхождения династии: «нельзя смешивать два разных по своей значимости вопроса — вопрос о создании государства и вопрос о династии», который является несущественным»[73]. Здесь же следует добавить: вопрос происхождения слова «Русь» и происхождения квазиэтноса русь должен решаться (и решается) отдельно от двух обозначенных выше вопросов – между приходом руси на территории восточных славян и основанием династии Рюриковичей в Киеве (вне зависимости от того, кто реально являлся основателем) имеется существенная факто-,и логическая разница.

.

[1] Одна из последних публикаций на данную тему, которую следует специально отметить: Лушин В. Рюрик // Древняя Русь в IX – XI веках: контексты летописных текстов / отв. ред. Е.П. Токарева. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2016. С. 11 – 31. Впрочем, стоит отметить работу Е.В. Пчелова: Происхождение древнерусских князей от Рюрика: устная традиция или летописная традиция? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011. С. 417 – 433. Аргументы в пользу историчности летописного Рюрика мне не кажутся убедительными: слишком много допущений по типу «возможно» и «могло быть». Да и автором статьи не допускается мысль о разделении летописного Рюрика и о, возможно, существовавшем историческом персонаже с таким именем. Наконец, учитывая многодетность в Рюриковом доме, да и многодетность семей в средневековье, вполне следует допустить еще одну возможность – существование одного из родственников Игоря с именем Рюрика. Впрочем, как свидетельствует нарративный и историко-археологический материал, княжеский титул – летописная конструкция, осовремененный для рубежа XI – XII вв. титул, имелся ли он у летописного Рюрика в сер. IX в. – большой вопрос. Так что, Рюрик в роду Игоря вполне мог существовать, да вот не тот и не таким, какой указан в летописи.

[2] В России А.С. Лаппо-Данилевский написал фундаментальную работу по методологии истории, актуальную и по сей день: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Территория будущего, 2006. 472 с. Однако при наличии множества достоверных и аутентичных текстов, историк может определять ту или иную степень содержащейся в них информации. Тем не менее, например, определить достоверность количества упомянутых войск в источнике зачастую нельзя (по крайней мере, на современном уровне исторической науки), особенно в тех текстах, где содержится уникальная информация. Скажем, если миллион персидских воинов, упомянутых Геродотом в своем историческом труде, давно вызывает у историков глубочайший скепсис, то в отношении более малочисленных армий, указанных в исторических источниках, по-прежнему рождает много споров, основанных на *субъективном* восприятии источников историком (данное обстоятельство касается численности древнерусских войск, войск татаро-монголов, банд викингов и т.д.).

[3] И.Н. Данилевский предлагая свой достаточно оригинальный подход в деле изучения древнерусских нарративных источников (историк предлагает и новый термин «демистификация», взамен «интерпретация» источника), считает: летописание велось с целью определения даты наступления Страшного Суда, но, в то же время, исследователь не объясняет три самых главных вопроса, которые ставятся в самом начале ПВЛ и на которые она, ПВЛ, отвечает: откуда пошла Русская земля, как прозвалась, кто первым был князем на Руси. Тема Страшного Суда в начале основного текста ПВЛ отсутствует или явным образом не прослеживается. Впрочем, если, по мысли историка, Русская земля – богоспасаемая страна, то вопрос с первыми князьями на Руси остается не решенным (потомки князя Кия, проблема княжеского и воеводского званий Аскольда и Дира и т.д.). Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. Москва: Аспект – Пресс, 2004. 382 с. Ср: Гиппиус А.А. К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 42 – 50; Стефанович П.С. К вопросу о понятии русь в древнейшем летописани // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 356 – 382.

Критический отзыв на современные взгляды древнерусского летописеведения опубликован недавно в журнале «Российская история»: Вовина-Лебедева В.Г. Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня // Российская история, 2019. № 4. С 3 – 27. Там же см. отклики на отзыв от Е.Л. Конявской, И.Н. Данилевского, Т.В. Гимона, А.В. Сиренова.

[4] А.А. Гиппиус по поводу начального летописания и гипотетически существовавшего древнейшего сказания в нем пишет: «древнейшее сказание далеко не представляло собой бесхитростного изложения основных событий ранней истории Руси. Сочетая эпическую условность с политической тенденциозностью, оно излагало определённую концепцию этой истории, соответствующим образом организуя её событийную канву. Эта концепция заложила основу русской историографии, от которой отправлялись все последующие авторы Начальной летописи и с которой они не могли не считаться даже тогда, когда полемизировали с ней и деформировали расстановкой собственных идейных акцентов. В становлении начального летописания Древнейшее сказание сыграло роль, подобную той, какую в многократно перестраивавшемся деревянном доме выполняет первоначальный сруб, контуры которого угадываются и после всех перестроек». Гиппиус А.А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX-X веках: археологическая панорама. М., Вологда: Древности севера, 2012. С. 62.

[5] Напр., Волков В.А. Войны и дружины древней Руси. Прометей, 2016. С. 11; Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. Л: Изд-во Ленингр. ун-та, 1945. С. 200 и 218 – 219; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII

вв. М.: Наука, 1982. С. 307 – 308.

[6] ПСРЛ. Т. 1. Ленинград, 1926 – 1928. Стб. 17.

[7] Оговорка о переселении с Рюриком и его братьями «всей Руси», по мнению А.А. Шахматова, «освобождала летописца от необходимости дать отвѣтъ на вопросъ, есть ли, суіществуетъ ли русь за моремъ» (Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919. С. 49). Таким образом, ни в Киеве, ни в Новгороде на рубеже XI – XII вв. уже не знали о конкретном месте расселения изначальной руси, Рюрик прибыл откуда-то «из-за моря». Поиски родины Рюрика видятся бесперспективным делом.

[8] Вопреки мнению некоторых исследователей по поводу указания триады предков в летописях и в «Слове о полку Игореве…», то в них непременно идет отсылка к какому-либо из давних предков того или иного упомянутого князя, подчеркивая тем самым их родственную связь.

[9] Глазырина Г.В. «Конунги Руси» в сагах о древних временах // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб, 1997. С. 26 – 31.

[10] Джаксон Т.Н. О скандинавских браках Ярослава Мудрого и его потомков / [Электронный ресурс] Ульвдалир. Режим доступа: http://ulfdalir.narod.ru/literature/articles/marriage.htm (дата обращения: 18. 11. 2018). И см. примечание №1 в статье.

[11] Древняя Русь в свете зарубежных источников. В 5т. М.: Восточная литература, 2009 – 2010 (Т. 1 – 2009, Т. 2 – 2010, Т. 3 – 2009, Т. 4. – 2010, Т. 5 – 2009).

[12] Напр., Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. С. 459 – 504; Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XIIв. / [Электронный ресурс] Археология.ру. Режим доступа: http://www.archaeology.ru/Download/Kuzmin/Kuzmin_2008_Ladoga.pdf (дата обращения: 25. 11. 2018).

[13] Джаксон Т.Н. О скандинавских браках Ярослава Мудрого и его потомков / [Электронный ресурс] Ульвдалир. Режим доступа: http://ulfdalir.narod.ru/literature/articles/marriage.htm (дата обращения: 18. 11. 2018). И см. примечание №1 в статье.

[14] Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Т. 5. Москва, 2009. С. 58 – 59.

Согласно саге «Красивая кожа» причина нападения Эйрика на Ладогу кроется в мести Олаву Трюгвасону, за то, что тот был союзником Владимира Святославича.

[15] Джаксон Т.Н. «Страна городов» и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов // Slověne. 2015. № 1 – 2. С. 170 – 179.

[16] Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 27 – 28.

[17] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69 п.

[18] Там же.

[19] См. подборку фольклорных мотивов о призвании правителей-иностранцев: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 44 – 57; Николаев Д. С. Легенда о призвании варягов и проблема легитимности власти в раннесредневековой историографии // Именослов: история языка, история культуры / отв. ред. Ф.Б. Успенский. М., 2011. С. 183 – 198.

[20] Следует полагать, имелось в истории добровольно-принудительное подчинение новгородской земли русским князьям. В противном случае, в Новгороде установилась бы полноценная республика, но она так и не возникла… по крайней мере, до монгольского нашествия.

[21] В данном свете интересны наблюдения по княжеским резиденциям Новгорода Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. № 2. М. – Л., 1971. С. 36, 39 – 42.

[22] Седов В.В. Изборск в раннем Средневековье. М., 2007. С. 117.

Более того, Изборск не обнаруживает признаков одной из столиц призванного на княжение варяжского клана. См.: Русь в IX-X веках: археологическая панорама…С. 137.

[23] Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X – XIII вв. М., 1973. С. 65 – 83.

[24] Любопытные замечания о летописной тройке городов приводятся в: Лопатин Н.В. О феномене древнейшего летописного упоминания Белоозера и Изборска // Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства / сборник материалов международной научной конференции Вологда – Кириллов – Белозерск 6 – 8 июня 2012. Вологда, 2012. С. 21 – 31.

[25] Нефёдов В.С. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в. Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сборник материалов Международной научной конференции (Вологда – Кириллов – Белозерск, 6–8 июня 2012 г.). Вологда, 2012. С. 96.

[26] Там же.

[27] Попробую высказать свое предположение. В какой-то момент (во время похода Ольги к «Новугороду» в 946 г. по летоп. хрон. или во время других событий 930 – 940-х гг) новгородчина попадает в сферу влияния киевских русов, сами киевские русы находятся далеко, военно-политическое присутствие местных русов (или от тех, с кем они состояли в союзе) ослабляется, что сказывается на обстановке в виде баланса сил и возможности для появления нового актора – элиты местных

жителей. А для того, чтобы усилить свои собственные позиции, они начинают сотрудничать с киевскими русами и приглашать к себе князя. Лучше подчиняться добровольно, но с выгодой для себя, нежели прогадать и подчиниться затем на кабальных условиях. Только так пока я могу объяснить «вставной» характер новгородчины в общем наследии Рюриковичей, своенравность новгородцев, а вместе с тем и заметную роль князя именно от рода Рюриковичей в делах Новгорода, потому что «новгородцы» оказались в роли военных подчиненных. В случае изначально свободного города, Новгород легко смог бы устанавливать свое собственное государственное правление, однако такого не произошло. И причина того кроется, с моей точки зрения, в «законности» владения Новгородом Рюриковичами. Выбор у новгородцев имелся только в отношении конкретного князя и того семейства внутри общего рода Рюриковичей, которое стояло за кандидатом.

[28] Любопытно, со второй пол. XII в., роль Киева в летописях бледнеет, но в средневековом русском сознании, город продолжает оставаться историческим центром всех русских земель.

[29] Здесь следует не согласиться с мнением Д.М. Котышева о тождестве старшинства Киева с митрополичьей кафедрой: Котышев Д.М. От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье. IX – XII вв. М.: Центрполиграф, 2019. С. 107 – 108). Более убедительны замечания А.В. Назаренко в его статье «Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения» (Древняя Русь и славяне. Историко-филологические исследования. М., 2009. С. 103 – 113).

Во-первых, к моменту написания ПВЛ митрополии в Чернигове и Переяславле были упразднены. Во-вторых, остается без объяснения приписывание Киеву материнства язычнику-Олегу в стране, где не было еще проведено христистианизации. Почему бы летописцу не приписать установление материнства Киева Владимиру Крестителю или Ярославу Мудрому? В-третьих, как правило, в речевой оборот о религиозном «материнстве» Киева вносится соответствующее церковное или религиозное словесное дополнение, а в словах, приписанных древнерусским книжником к 882 г. такового нет.

[30] ПСРЛ. Т.1. Стб. 151.

[31] Там же.

[32] Следы этого присутствия следует искать не в самой Ладоге, а подле городища.

[33] Куйяба, похоже, название Киева на Днепре, Славия – возможно, названа по имени словен новгородчины (Рюриково городище?), впрочем, это может быть обозначением важного военно-торгового региона как в землях западных, так и южных славян; еще больше споров у исследователей возникает с определением местоположения Арсании.

[34] Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб, 1870. С. 276 – 277.

[35] Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия…Т. 3. С. 85 – 86.

[36] Критические замечания по поводу локализации трех видов руссов у более поздних авторов см.: Коновалова И.Г. Рассказ о трёх группах русов в сочинениях арабских авторов XII – XIV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992 – 1993 годы. М.: Наука, 1995. С. 139 – 148.

[37] Там же. С. 126.

[38] Слабая заселенность городища, но наполненность археологическим материалом культурного слоя, говорят о племенном центре, нежели о каком-то значительном городе. См.: Русь в IX-X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 163 – 170.

[39] Там же. С. 163. Ростов складывается во втор. пол X в., он никак не может претендовать на важный военно-торговый и политический центр Руси первой пол. X в.

[40] Там же. С. 219.

[41] Там же. С. 204 – 206.

[42] Калинина Т.М. Заметки о торговле в восточной Европе по данным арабских ученых IX – X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П.Новосельцева. Отв. ред. к.и.н. Т.М.Калинина. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 117.

[43] Там же. См. сноску № 44.

[44] Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере… С. 50 – 56.

[45] Более подробно см. Стефанович П.С. Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. // Труды Института российской истории. Вып. 11 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Ю.А. Петров, ред.-коорд. Е.Н.Рудая. М., 2013. С. 19 – 57.

[46] Здесь и далее в тексте обозначаются современные, а не летописные датировки.

[47] Стефанович П.С. Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в… С. 43 – 52.

[48] См. подробнее: Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988. 239 с.; там же помещен перевод «Обозрения истории» Иоанна Скилицы.

[49] Т.е. превратить в смердов, подвести к выплате неких повинностей князю.

[50] Под 6715 г. в Лаврентьевской летописи сказано: Тогож҃ лѣт҃ . слъıшавъ великъıи кнѧз҃ Всеволодъ Гюргевич҃. внукъ Володимерь Мономаха. ѡже Ѡлговичи воюют҃ с пога[нъı]ми землю Рускую. и сжалиси ѡ томь. и реч҃ то ци тѣмъ ѡч҃ина ѡднѣм҃

Рускаѣ землѧ. а намѣ не ѡчина ли [*В то же лето великий князь Всеволод Юрьевич, внук Владимира Мономаха, услышал о том, что Ольговичи с погаными разоряют землю Рускую, посожалев о том, сказал: Руская земля одним Ольговичам отчина, а нам, разве не отчина*?]

[51] В первой статье «Руской Правды» следует обратить внимание на «аще» и «любо». «Аще» начинает новую мысль составителя «Правды» или используется в качестве особого противопоставления, в то время как «любо» чаще всего выступает уточняющим дополнением к ранее обозначенному термину. В таком случае фрагмент: «…аще ли будеть русинъ, или гридь, любо купець, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгои, ли словѣнинъ, то 40 гривенъ положити за нь» (ПСРЛ. Т. 3. Москва – Ленинград, 1950. С. 176) в переводе на современный русский язык должен выглядеть следующим образом: «…если это будет русин: [будь то] гридин, купец, тиун боярский, мечник, изгой или изгой словенин, то положить 40 гривен за него. Таким образом, русин – категория в первую очередь социальная, но, в то же время, не тождественна княжескому человеку и словенину.

В том же ключе подробнее см.: Н. И. Петрова (Словенин «Русской Правды» и словене «Повести временных лет» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 1. С. 40 – 42).

[52] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23.

[53] Сюжету о захвате Олегом Киева, проблеме княжеского звания Аскольда и Дира посвящена статья В. Я. Петрухина «Пространство и время киевской легенды» (Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2006. С. 391 – 395).

[54] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

[55] Там же. Л 1 об.

[56] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 1 .

[57] Там же. Стб. 16.

[58] Новый взгляд на данное место в летописи излагается в Стефанович П.С. Загадочное известие летописи древнейшая дань из Новгорода в Киев / Новгородский исторический сборник. Вып. 12 (22). Москва – Санкт-Петербург, 2010. С. 3 – 33.

[59] См. доп. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 51 и примечания №№ 64 – 65 на с. 329.

[60] Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Т. 3. Москва, 2009. С. 59.

[61] Оценка воинских контингентов на Руси по археологическим данным и скандинавскому фольклору предпринята в

Фетисов А.А. «Дружинная культура» Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2010. С. 413 – 420.

[62] Мурашева В.В. Актуальные проблемы исследования Гнездова // Древнейшие государства Восточной Европы. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2010. С. 389 – 405; Ениосова Н.В., Пушкина Т.А., Мурашева В.В. Гнёздово – раннегородской центр смоленской земли // Вестник московского университета. Сер. 8. История. 2012. № 5. С. 176 – 196.

[63] Щавелев А.С. «Держава Рюриковичей» в первой половине X века: хронология, территория и социальная структура // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. №1. С. 101.

[64] Семейное право на общее владение земельным наследством, вероятно, складывается при Владимире Святославиче: Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. М.,1993. С. 27 – 34; дополнительно см.: Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X – XI вв.) / Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 г. М., 1984. С. 149 – 157.

[65] Странным образом численность войска Святослава в 10 000 воинов, удвоенная им на словах перед греками (напр., ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69 – 70) перекликается с византийскими сообщениями, по которым Святославу выплатили дани на 22 000 воинов (Лев Диакон. История…С. 81).

[66] Свой оригинальный взгляд на летописную хронологию отстаивает Константин Цукерман. Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории / У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции / историко-археологический сборник. С.-Петербург, 2007. С. 343.

[67] Среди исследователей нет единого мнения о годе поездки Ольги в Константинополь. Так, Г.Г. Литаврин отстаивает время посольства Ольги в 946 г.: К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги. Византия и славяне. СПб, Алетейя, 2001. С. 429 – 437. Там же указан список работ автора по данной теме. Дополнительно: Он же. Реплика к статье А.В. Назаренко. Византийский Временник (далее – ВВ), 1989. Т. 50. С. 83 – 84.

А. В. Назаренко придерживается мнения о посольстве Ольги в 957 г.: Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? ВВ, 1989. Т. 50. С. 66 – 83; Он же. Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь: источниковедческие заметки. Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993 г. / М., 1995. С. 154 – 168.

[68] См. Предисловие в сборнике «Древнейшие государства Восточной Европы». М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2016. С. 5.

[69] Наиболее полно представлено в книге «избранного»: Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 476 с. См. дополнительно выпуск «Древнейшие государства Восточной Европы» за 2016 г., посвященный образованию Древнерусского государства.

Пузанов В.В. Образование древнерусского государства в восточноевропейской историографии: учебное пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. С. 35 – 41; там же критика концепции «дружинного государства». С. 41 – 43.

Историографический обзор по Древнерусскому государству дан в работах Дворниченко А.Ю. «Государство Киевская Русь» Как историографический феномен // **Ранние формы политических систем (сборник статей). Санкт-Петербург, Кунсткамера, 2012. С. 235 – 278; а так же в кратком обзоре Кучкин В.А. О времени существования Древнерусского государства (историография вопроса) // Исторический вестник. М., 2012. Том 148. С. 120 – 144.**

В 2012 г. вышло упомянутое выше учебное пособие Пузанов В.В. Образование древнерусского государства в восточноевропейской историографии…152 с.

[70] Укажу их в порядке выхода в свет.

1) Тимонин А.Н. Проблемы генезиса Древнерусского государства. Уфа: БГУ, 1997. 227 с.

2) Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянский гос. ун-т им. акад. И.Г Петровского. 2-е изд., испр. и доп. М. Вост. лит., 2009. 477 с.

3) Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. – Ижевск: Удмуртский университет, 2007. 624 с.

4) Котышев Д.М. От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье. IX – XII вв…254 с.

[71] Childe V.G. The Urban Revolution // The Town Planning Review 21 (1), 1950. P. 3 – 17.

Более новый взгляд на археологические признаки цивилизации изложены в работах Крадина: Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 184 – 208; он же. **Археологические критерии цивилизации: кросс-культурный анализ // Ранние формы политических систем (сборник статей). Санкт-Петербург, Кунсткамера, 2012. С. 159 – 180.**

[72] Еще М.А. Алпатов, соглашаясь с мнением В.О. Ключевского, указывал на сугубо второстепенный вопрос происхождения Рюрика. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII – XVII вв. М., 1973. С. 49.

[73] Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII – XVII вв… С. 45, 46; Он же. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. 1982, №5. С. 36.